

Розділ III. Огляди та рецензії

Аникин А. Е. Этимологический словарь русских диалектов Сибири. Заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков.

Новосибирск, 1997. 773 с.

За полуторавековой период своего существования славянская этимологическая лексикография накопила колоссальный опыт, представленный солидным количеством этимологических словарей. За каждым из них стоит отшлифованная на протяжении десятилетий методика, оригинальная концепция, что делает каждый этимологический словарь явлением всеславянского масштаба и значимости. Поэтому событием стала публикация фундаментального труда А. Е. Аникина «Этимологический словарь русских диалектов Сибири. Заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков» (Новосибирск, 1997; переиздан в 2000 году).

Уникальность этой работы заключается не только в том, что это, как уже было подмечено А. Ф. Журавлевым, первый завершённый этимологический словарь диалектной лексики¹, но и в том, что это исследование, вскрывающее историю освоения русскими диалектами чужеродного (неславянского) языкового ареала, процессы лексического взаимодействия носителей русского языка с носителями местных языковых семей. Поскольку лексика наиболее динамичный, подверженный влияниям извне ярус языковой системы, именно она отражает характер языковых контактов, процессы адаптации славянского (уже – русского) словаря в неславянской среде, фиксирует проникновение в быт и мышление чужих реалий культурологического плана.

Упомянутое взаимодействие оставило глубокий отпечаток не только в виде собственно лексических заимствований, но и в виде семантических калек, что четко отражено в рецензируемом слова-

ре, ср.: *денно́е* 'обед, дневное чаепитие' – калька с якут. *küñüskü* 'дневной, дневная еда' (с. 187), *доить (икру)* 'метать икру во время нереста', копирующее якут. *уа* 'доить; метать икру', *уат* 'доевание; метание икры' (с. 194), *Березов, Березов город* – селение на Северной Сосьве, основанное в 1593 г. – буквальный перевод названия существовавшего до прихода русских переселенцев селения, которое ханты называли *Сугмут-ваиш*, манси – *Халь-уиш* 'березовый город' (с. 129) и др. В работе широко представлен и другой способ адаптации исконно русских слов на новых территориях – приобретение ими новых значений при обозначении реалий, первоначально не свойственных русскому быту, как в случаях с такими словами, как колымск. *скот* 'собаки' (< псл. **skotъ*), поскольку собаки служили единственным или основным домашним животным (с. 517), *здор* 'оленье сало, вынутое из загривка' (< псл. **sz-dorъ* – русск. *драть, дор*) (с. 218-219; последнее, очевидно, получило свое терминологическое значение на территории, где олени издавна были основными промысловыми животными) и под.

Тонким методическим приёмом, демонстрирующим обратную сторону лексического взаимодействия, является введение А. Е. Аникиным в словарь заимствований из русских диалектов в языки Сибири, Урала, Алтая. Такой подход как нельзя лучше иллюстрирует степень влияния мощного потока русскоязычных миграционных волн на культурно-языковую ситуацию этих регионов, ср.: *векша* 'белка' > манс. *рееchs* 'векша' (с. 158), *ветка* 'маленькая одиночная лодчонка, особенно берестяная', заимствованное в коми (с. 159), *зобня́* 'мешок или сумка с деревянным обручем, надеваемая на шею или через плечо при севе вручную' > бурят. *зумняа* 'торба, в которую насыпается овес для лошади' (с. 221) и под. При этом автору нередко приходится доказывать исконно славянское происхождение многих слов, традиционно считавшихся заимствованными, ср.: *барма́ш* 'мелкий рачок-бокоплав, приманка при рыбной ловле', *бормоши́* 'черви для ловли рыбы (не дождевые)', для которых допускается связь с *мо́рмышь* 'водяной рачёк', *мо́рмук* 'разновидность жука', предлагается генетическая ориентация на псл. **търтушь* (очевидно, речь идет о случаях, демонстрирующих частую в диалектах субституцию анлаутного м- > б-) и констатируется необязательность тюркского происхождения при том, что башк. (и вообще тюркские формы) *тормош* 'рачёк-боко-

плав' могут иметь русский источник (с. 121, 408–409) ². К подобным случаям относятся еще: *дыня* 'ребро в дне выдолбленной лодки, куда крепятся шпангоуты' (псл. **dъnja* (- **dъ(b)no* 'дно') с рефлексацией севернопсковского типа -ън- > -ын- (неверно истолкование из коми *дын*, удм. *дынъ* 'комель') (с. 200), *зор* 'мелкий дождь', соотносимое с *зорить* 'заставлять дозревать' (не из удм. *зор*, коми *зэр*) (с. 221), *мехряк* 'медлительный, неповоротливый человек', которое еще М. Фасмер связывал с псл. **тѣхър- / *тѣхуръ* 'пузырь' (< 'неворотливый человек, обжора', ср. развитие семантики в слове *мешок*), в связи с чем невероятно сравнение с фин. *mägrä, mäkrä* – названия барсука (с. 402; в том числе и по фонетическим причинам) и многие другие.

Значительное внимание в рецензируемой работе уделяется ономастической лексике (см. статьи *Енисей* (с. 207), *каменная самоядь* (с. 255), *каменные юкагиры* (с. 256), *Камень* (с. 256–257), *кандаях* (с. 265), *Сибирда / Сибирь п*(с. 513) и др.), что свидетельствует об интересе автора к этимологизации этого сложного материала, анализ которого требует поистине энциклопедических знаний не только в области языков (см. внушительную библиографическую базу словаря) исследуемого культурно-языкового ареала, но и в области истории этносов, их семиотики.

Рецензируя данный этимологический словарь, хотелось бы обратить внимание на ряд лексем, которые, с нашей точки зрения, не могут быть отнесены к разряду заимствованных, и привлечь внимание к некоторой литературе, очевидно, оказавшейся недоступной автору на момент работы над словарем, а также выпущенной после его публикации.

Слово *алутка* 'небольшой деревянный молоток' квалифицировано как не очень неясное, напоминающее эвенк. *алука* 'молоток' (< монг. *aluxa* 'т. с.'). Наличие инлаутного *т* объясняется как возможное влияние фактов типа *балбдка* 'молоток', 'небольшой кузнечный молот', 'березовый обрубок, палка' (с. 84). Однако вопрос о вставном характере *т* (как и в целом ориентация на неславянскую этимологию) снимается, если учесть ряд важных моментов.

Во-первых, *алутка* – вторичная форма по отношению *балбдка* 'молоток', *болбдка* 'легкая кувалда' (в последних автор тоже выделяет вставной звук – *о*, толкуя их как дериваты от *балда* 'палка'; с. 116), т. е. форма с отпавшим анлаутным *б-* (утрата губ-

ных в позиции начала слова перед гласным является регулярной фонетической чертой славянских диалектов, ср.: русск. диал. *балѣбушка / балѣбушка* 'маленькая булочка из пшеничной муки; лепешка из теста' (< псл. **bolbušъ / *bolbuxъ*) и *алѣбушка / алѣбушки* 'оладьи, лепешки' ³). В таком случае *m* оказывается результатом обычного оглушения *đ* перед глухим *k*. Соответственно, объектом этимологического анализа должна стать исходная форма типа *болѣдка*.

Во-вторых, «фонетически чистое» *болѣдка* оказывается и «этимологически чистым», т. е. идеальным продолжением псл. диал. **boldъka* < основы **bold-*, которая продолжает и.-е. **b(h)el-* 'раздуться, пухнуть; нечто толстое, выпуклое' (т. е. семантика 'молоток', 'березовый обрубок', 'палка' < 'выпуклый, толстый (> тяжелый) предмет'), расширенное *d*-детерминативом. Такое истолкование структуры **boldъka* гарантируется наличием примеров с альтернативным *b*-расширением указанного этимона, ср. выше **bol-b-*. Что же касается трансформации корневого сочетания *-оло-* > *-алу-*, *-аля-*, *-ала-*, *-ало-* и т. д. в рефлексах основ типа *tol-*, то это достаточно распространенное явление в говорах восточнославянских языков ⁴.

Таким образом, рассмотрение приведенных выше слов на славянской почве позволяет избежать неопределенности и явных натяжек, возникающих при попытке истолкования их как заимствований.

Гнездовой подход к этимологизации лексики позволяет опровергнуть версии тюркского происхождения таких слов, как: **балда́** I 'палка', 'толстый конец палки, дубины', 'тяжелая деревянная колотушка', 'деревянная кувалда' (на с. 116: «вероятно, из тюрк., но конкретный источник не ясен»), **болда́рь, болды́рь** 'бугор, возвышенность, курган' (на с. 135-136 высказываются допущение о возможности сравнения (при тюркском посредничестве) с п.-монг. *bulduru* 'шишка, волдырь; бугор'), **болга́ч** 'низкое место с непросохшей грязью' (на с. 134: «из тюрк., ср. кач., саг., белгт. *балгач* 'грязь', туб. *balyač* 'земля, почва'»). Семантика последнего отражает развитие исходного 'раздуться, разбухать' > 'разливаться (о гидрообъекте)' > 'влажная низина, охваченная разливом' > 'место с непросохшей грязью'.

Все эти лексемы имеют славянский генезис и восходят к пра-славянским архетипам, иллюстрирующим *d*- и *g*-наращения и.-е.

**b(h)el-* в ступени редукції, т. е. к **bъlda*, (производные) **bъld-arъ*, **bъld-yrъ* и **bъlg-aць*. Дериваты на *-ar-* / *-yr-* особливо показательны в аспекте словообразовательной семантики, т. к. *славянские* суффиксы с опорным *r* оформляли слова со значением выпуклости⁵. Кроме того, русск. *болдырь* имеет буквальные соответствия в укр. *Болдир* – приток Широкой, слвн. *Boldirev* – антропоним⁶, а также парадигматический вариант в виде украинского диалектизма *бандыра* ‘комок, сгусток, глыба, большая куча’ (Верхратський 94) (< **bъld-yra*), сравнение которого с монгольским или тюркским материалом попросту невозможно по ареальным причинам. Это слово демонстрирует субституцию *l > n* перед *đ* (т. е. первоначально **балдыра*), которая уже неоднократно была в поле зрения этимологов, поэтому нет нужды останавливаться на подобных примерах.

В связи со сказанным отсутствуют основания зачислять русск. диал. *балбан* ‘болван’ в разряд обратных заимствований из якут. **balbān* ‘т. с.’ (к тому же реально не засвидетельствованного) < рус. *болван* или традиционно толковать само псл. **bъlvanъ* как тюркизм⁷ (с. 115–116). Эта лексема (*балбан*) является частью все того же этимологического гнезда с опорным **bъl-* плюс *b-* детерминатив – **bъlvanъ*. Ср. еще русск. диал. *болбан* ‘деревянный божок, идол, которому поклонялись и приносили жертву ненцы’ как заимствованное из архаичного русского словаря в местные языки (достаточно привести параллель – пол. диал. (мазур.) *batdan* ‘добрый божок’⁸).

Кстати, тезис Г. А. Ильинского о сомнительности инфильтрации тюркских элементов в праславянский словарь применим и к позднепраславянскому **tъlmaць* ‘переводчик’, для которого в рецензируемой работе тоже принимается тюркский источник (*tīl* ~ *tīl* ‘язык’ + суффикс *-maць*) при констатации вторичности связи с исконно русскими *толмач* ‘бестолковый человек’ (~ *толмить* ‘твердить, долбить’) по аналогии с *толк* ‘переводчик’, *толковать* (с. 574). Кроме того, бросается в глаза фонетическое несоответствие славянского и тюркских (ср. кыпч. *tīlmač*, тур. *dilmač*; с. 574) слов, а именно – невозможность передачи праславянским *ъ* тюркского *i* или *ĩ*.

Возвращаясь к вопросу об исконно славянском характере *болгач* ‘низкое место с непросохшей грязью’, целесообразно вспомнить названия крупных рек на восточнославянской террито-

рий – русск. *Болгач* (в системе Волги на территории бывшей Вятской губ.), блр. *Балгач* (бас. Западной Двины), укр. *Болгач* (приток Днепра; ср. еще *Балгач* – название озера ⁹). Они принадлежат к базовому (реликтовому) слою славянской гидронимии (речь идет о прагидрониме **Vьlgačь*; ср. еще вариант индоевропейской гидронимной основы с полной ступенью апофонии, отраженный в лтш., др.-прусс. *Balga* – названия рек) и, соответственно, не могут иметь иноязычный источник. К тому же трудно себе представить, чтобы в ареале, густо населенном коренным этносом, имеющим свою хорошо развитую топонимию, реализовалась гидронимия кочевых народов, тип взаимодействия которых с местным населением носил характер набегов, а не долговременного совместного проживания. В расчет не могут приниматься поздние, редкие случаи проникновения в славянские диалекты немногочисленных тюркских географических апеллятивов или возникновение тюркской микрогопонимии в ареалах, например, с татарскими анклавами.

Завершая этот пассаж, укажем, что указанный апеллятив (в говорах русского языка функционирует его парадигматический вариант, в котором значение развилось в другом направлении – *болгача* ‘невод с большим подолом’) существовал и реализовался не только в гидронимии, но и антропонимии славянских языков, в том числе и тех, которые были свободны от тюркского влияния, ср. слвн. *Balgač*.

Русск. **важѧн** ‘род рыболовной снасти, мережа до 14 сажен’ определяется как заимствование из хант. **wačət* (= **wažət*) ‘важан’ (с. 153). Нам представляется более вероятной славянская этимология (тем более, что хантыйские слова реально не засвидетельствованы), а именно – квалификация русского диалектизма как субстантивированного архаичного славянского причастия **vadjanь(jь)* < **vadjati* ‘водить’ (имперфектив к **vaditi* ¹⁰) ~ **voditi*. Вполне приемлемо объяснение семантики номинации как ‘бредень, сеть, которую волокут (по дну водоема вдоль берега)’. Ср. генетически и типологически близкое **vada* (: русск. диал. волг. *ва́да* ‘род рыболовной снасти’, определенное как «снаряд для ловли рыбы, одно полотно»; СРНГ 4, 11). Типология мотивов номинации рыбацких снастей может быть продолжена примерами типа общеизвестного русск. *бредень* ‘длинная рыбацкая сеть’ – *брести, бреду, во́лок* ‘рыболовная снасть – плавная сеть в виде

четырёхугольного продолговатого сетного мешка – мережи' (СРНГ 5, 51) < псл. **volkь* < **velkt'i* 'волочь' и др.

Для русск. **вар** 'преграда из свай, кольев, вбитых в дно реки и сплетенных прутьями, для задержания рыбы, закол', 'земляной запор для рыбной ловли' (на с. 155 предполагается заимствование из хант., ср. вах., васюг. *wār* 'запор на реке') может быть предложена русская (шире – славянская) этимология. В частности, речь может идти об обратном заимствовании (уже в новой, появившейся в заимствующем языке, *a*-огласовке) при некоторой специализации семантики 'ограда, бревенчатая стена' > 'запор на реке, плотина' русского рефлекса псл. **vorъ* (: др.-русс. **воръ** 'укрепление, построенное из целостных (круглых) бревен', русск. диал. *вор* 'ограда из жердей; ясли', блр. *вор* 'т. ж.', укр. диал. *вор* 'т. ж.; хлев') < **verti* 'совать; закрывать; вязать, плести' ¹¹.

Русск. **вårdина** 'одна из двух продольных жердей, прикрепленных к верхней части копыльев нарты', 'нащел нарты', *вардэня*, *вårdина*, *вордина* 'одна из двух продольных жердей, прикрепленных к брускам полозьев нарты' в рецензируемом словаре остались без объяснения (с. 155). Между тем, стоило бы обратиться к уже давно опубликованной работе Л. В. Куркиной, где аргументированно изложена славянская этимология этих слов, которая предполагает сохранность производящей основы (ср. русск. *вårdа* 'валик для выбивания белья в процессе полоскания') и формирование русско-болгарской изолексы (ср. болг. *вардúне* 'двухколка для спуска бревен, деревьев и т. д.', *вурдúне* 'крепкие кольца (обычно, два), которые используются во время спуска бревен') в границах этимологического гнезда с базовым **vord-* 'крутить, гнуть' в ступени редукции ¹². Очевидно, речь идет о реликтовых **vьrda*, (производные) **vьrdenь*, **vьrdina*, **vьrdunь*.

Диалектизм **гíрвас** 'самец оленя, оставленный для приплода' объясняется как финский элемент (ср. фин. *hirvas* 'олень-самец'), который, в свою очередь, восходит к балт. **širvas*, ср. прусск. *sirvis* 'серна, косуля' (с. 171). В данном случае речь скорее может идти о заимствовании в финские диалекты исконно русского слова, являющегося вторичной фонетической формой по отношению к рано утраченному **kirvas* (< **kьrvas* < **kьrvasь*), восходящему к псл. **kьrv-asъ* – производное от **kьrvъ* (: пол. диал. *karv*, др.-пол. *karw* 'вол, корова'). О потенциальной возможности наличия такого суффиксального производного в русских говорах может свиде-

тельствовать польская параллель, сохранившаяся в антропонимической основе, ср. *Karwasiński*. В аспекте же употребления названия коровы, вола в качестве обозначения оленя, ср. русск. диал. *корова* 'лосиха, олениха' ¹³.

Относительно русск. *долгы́шник* 'вид кустарника (какого?)' (на с. 194 «вероятно, из **дологы́шник* к *дологáн* 'боярышник (кустарник и ягоды)' (ср. бур. *дологооно*, п.-монг. *doluγana* 'боярышник')») можно было бы констатировать и русскую этимологию, а именно – формирование лексемы в словообразовательном гнезде адъектива *дóлгий* (непосредственная мотивация названия в таком случае фиксирует особенности листьев, стеблей, веток, плодов), тем более, что форма **дологы́шник* в действительности не зафиксирована. Касательно названий растений с корнем *долг-* ср. укр. *довгастінки* 'Prunus domestica variet', *довгунець* 'Linum usitatissimum L.', *довжник* 'Euphrasia officinalis L.' ¹⁴.

Дундүк 'шуба кухлянка' отнесено к якут. индиг. *dundūk* 'род дохи'. При этом допускается сближение с русск. *дундүк* 'толстяк, бездельник, лентяй', которое выводится из балт. (со знаком вопроса), ср. лит. диал. *dunda* 'повеса, шалопай' (с. 198). Если с первой частью этимологии можно согласиться, считая, считая якутское слово заимствованным из русских диалектов, то в отношении второй части возникают сомнения. Все дело в том, что балтийская этимология не имеет доказательной силы, поскольку оперирует вторичной фонетической формой привлекаемых для этимологизирования лексем, а значит, анализируемый материал рассматривается вне его истории. В частности, речь идет о первоначальном **дулдук* < **дълдукъ* (*дундук* – лексикализованная форма с частой в славянских диалектах ассимилятивной заменой плавного *л* > *н* перед *д* и *т*, ср., напр., блр. диал. *дълда* и *дында* 'высокий неуклюжий человек' ¹⁵ и др.), суффиксальном производном от репрезентанта псл. **dьlda* ¹⁶ с *ул*-рефлексацией исходной группы *ьl* (упомянутое блр. *дълда* иллюстрирует иной тип вокализации). К тому же этимологизируемая лексика вырывается из семантического контекста, т. е. взято лишь несколько значений вторичного *дундук* из широкого набора, отсутствующего у балтийских слов.

Русск. *ёлтыш*, *елтыш* 'чурбан; толстое неколотое полено' абсолютно справедливо связывается с коми диал. *йёлтыш*, которое может быть заимствованием из русского языка (с. 205). Более интересна история самого русского слова, выступающего фонетичес-

ки продвинутой формой по отношению к **deltysh* < псл. **dblt-uyš* (дериват от **dblt-*, являющегося *t*-детерминативным расширением и. -е. **del-* 'резать' в ступени редукции). Этот случай иллюстрирует интересное фонетическое явление перехода анлаутного *ð-* в *j-* перед гласным переднего ряда вследствие ослабления затвора и спирализации, ср. русск. диал. *дербалы́знуть* и *ербалы́знуть* 'сильно ударить', *дя́глица* и *я́глица* 'снуть' и пр. 17.

Русск. *жа́лда* 'неряха' с долей сомнения относится автором к бур. *жаалда* 'вот беда-то! Ах, черт возьми' и др. (с. 212), что вызывает сомнения, поскольку это слово с широкой палитрой значений и разветвленной системой производных широко представлено на славянской территории, отдаленной от ареала бурятских диалектов. Ср.: русск. диал. смоленск. *же́лды* 'железа', блр. диал. *жалдба́к* 'комок', укр. диал. *жалда́к* 'ироническое название мальчиков-подростков плохого поведения' и др., которые репрезентуют псл. **žylda / *žyldь*, сформировавшиеся в гнезде и. -е. **gel-* 'мять, сдавливать; что-нибудь круглое, комок, шар' в ступени редукции плюс *d*-детерминатив¹⁸. Значение же 'неряха' является всего лишь одним из этапов эволюции базовой семантики, т. е. переносным, ср. выше укр. диал. *жалда́к*.

Еще одним примером реализации в русских диалектах древней лексемы, содержащей и. -е. **gel-*, является *галга́шка* 'деревянная рукоятка на одном конце наплова' (с. 166 – «неясно»). Это деминутив от **галгаш* 'утолщение, выпуклость' < псл. **gьlg-ašь* – дериват от **gьlga / *gьlgь* (ср. русск. диал. донск. *гу́льга* 'шишка (на лбу, на голове от удара)'; СРНГ 7, 218). Базовые **gьlga / *gьlgь* представляют *g*-расширение и. -е. **gel-* в ступени редукции вокализма *o*-ряда.

К разряду возможных тюркских заимствований отнесено русск. *калга́н* 'голова', моск., твер. *калга́н* 'горшок с высоким горлом' (далее – к тюрк. *qalqan* 'щит'; с. 248). С такой версией невозможно согласиться, поскольку, во-первых, рассматриваемое слово существует в славянских языках с более широким семантическим спектром, нежели только 'горшок' или 'голова' (ср.: влад., твер. *колга́н* 'толстый обрубок дерева, чурбан', том. *калга́н* 'деревянная колодка, используемая для шитья шапок', орл. *калга́н* 'санки, плетеные или сделанные из решета', перм. *кулга́н* 'чурбан', блр. диал. *каўга́н* 'неумелый, нескладный человек', укр. диал. *ковга́н* 'кусок льда или облитого водой и замороженного «кизяка», на ко-

тором дети катаются с гор' (со вторичной заменой *л* > *в* в конце слова), *калгán* 'неопрятный человек, неудачливый человек, нищий' и др.), а во-вторых, не может быть сближено с тюркским словом по фонетическим причинам: тюркское корневое *a* не объясняет более пестрый (ср. выше *a*-, *o*-, *y*-огласовку) вокализм славянских лексем. Наконец, славянские слова в деривационном аспекте функционируют не изолированно, а имея мотивирующую основу, ср.: русск. диал. *калгá* 'деревянная миска, чашка, блюдо' и суффиксальные производные *калгán* 'деревянная миска, чашка, блюдо грубой работы', 'долбленный ковш', *калгúша* 'деревянное блюдо'. Т. е. в данном случае речь может идти о рефлесах псл. **kǝlg-anǝ* (ср. **kǝlg-uša*) < **kǝlga* 'нечто согнутое, кривое' (с *ap*-, *op*-, *yp*-рефлексацией исходного *ǝl*¹⁹), омонимичных приведенному выше тюркскому слову.

Анализируя русск. **калтака́** 'прозвище косноязычного человека', А. Е. Ликин говорит о предполагавшейся ранее связи с тюркскими фактами типа чаг. *qaltaq* 'негодяй', тур. *qaltaq* 'перьях, замарашка, шлюха' (с. 250). Однако это слово может быть истолковано и на славянской почве. Во всяком случае, формально близкие лексические единицы функционируют в основах русск. диал. *колтúжник* 'ком обледеневшего снега, плавающего на воде' (Клыков 45), укр. **Колтун* – антропоним, реконструируемый на основе гидронима *Колтунóва* (Отин 26), макед. диал. *колтúk* 'кривизна, поворот реки или дороги' (Видоески 75) (ср. еще русск. диал. *култúk* 'глухое колено, реки, дороги'; Богораз 73), базовой семантикой которых было 'нечто кривое, изогнутое'. Значит, вполне возможно близкое исходное значение и для русск. *калтака́*, т. е. 'косноязычный человек' < 'человек с физическими недостатками' < 'нечто кривое, изогнутое'. В структурном отношении эта лексическая группа представляет суффиксальные (**kǝlt-aka*, **kǝlt-uga*, **kǝlt-ukǝ*, **kǝlt-unǝ*) расширения псл. **kǝlta* (: макед. *Кáлта* – топоним; Пјанка 378), представляющего *t*-детерминативацию упомянутого и.-е. *(s)kel-.

Учитывая ареал и структурную членимость вышеприведенных слов на собственно славянской почве, невозможно причисление к заимствованиям и русских лексем **култúk** I 'плечо' (на с. 330: «из тюрк. *qultuq* 'подмышка' (< 'плечо')»), **култúk** II 'залив, губа, бухта' (на с. 330: «из тюрк. *qultuq* 'залив (высохшая протока и т. д.)'»). Наоборот, речь может идти о проникновении русских

диалектизмів в контактні тюркські мови. Можливість формування значення 'плечо' або 'плечистий чоловік' гніздо з вихідною семантикою 'нещо викривлене, криве, нерівне' підтверджується типологічною параллеллю, ср. схв. *къркача* 'спина, горб, хребет; плечистий чоловік' < псл. **къркача* з аналогічним значенням²⁰.

Пристальне уваження до матеріалу генетичного гнізда лексем, сгрупированих навколо вже не раз згаданого *и.-е. *(s)kel-* в різних ступенях огласовки, дозволяє встановити слов'янську природу слів, звичайно тлумачених як заїмані або неясні. В частині, діалектизми *челба́*, *чѣлба* 'черпак з сіткою для вичерпування льда з проруби', вивідне *челба́к* II 'черпак' і под. (с. 680), віднесені до розряду слів, не маючих етимології, легко пояснюються як рефлексії псл. **čьlba* (ср. ще руск. діал. *челба* 'поварешка, залізна розливальна ложка'; Солов'єв 51). Ця праформа демонструє *b*-розширення *и.-е. *(s)kel-* в ступені редукції вокалізму *e*-ряду. В такому випадку руск. *ча́лба* 'колобок, випечений в золи' (с. 665: «вероятно, к *чалпán* II і *чалпán* I»), *ча́лбыш* 'маломерний осетренок або белужка, шип, нерідко менше аршина', *чалбу́ш* 'молодий осетр' (с. 665: «не має етимології») закономірно кваліфікувати як деривати з суфіксами *-ыш-* / *-уш-* від одного з рефлексів основи **čьlb-*, очевидно, мавшого, крім значення 'черпак', ще і 'нерівний, двояковипуклий предмет (< колобок)', 'кривий, короткий предмет'. Відносно утворення в межах гнізда *и.-е. *(s)kel-* названь хліба випуклої форми ср. руск. діал. вят. *челпán* 'пирог без начинки; великий пирог з яйцями', волог. *чолпán* 'коврига хліба', *чолпánчик* 'коровайчик хліба' (Опыт 255, 259) < **čьlpaňь*. Фонетична сторона такого тлумачення теж не викликає сумнівів: кореневе *a* має вторинний характер, являючись діалектною, проявлюючись випадково, субституцією *e* (< *ь*) після шипящих, ср. нижче руск. діал. *челдón* і *чалдón*, *челпán* і *чалпán*.

Що ж стосується руск. *черба́* 'оруддя для черпання води', котре розглядається в одній статті з *челба́* (с. 680), то це єдиний інший етимологічний гніздо, а саме – системи слів з базовим *и.-е. *(s)ker-* 'гнути, крутити; різати'²¹. Т. є. мова йде про псл. **čьrba*, варіантом к **čьr-p-* в **čьrpati* 'черпати' (буквально – «срізати» воду').

Образование названий домашней утвари в границах этой семьи слов продолжает укр. диал. *чалта́* 'большая ложка для вытаскивания из «окропа» вареников', восходящее к **čьlpa* с другим (-р-) типом расширителя²². Украинский рефлекс, отражающий все ту же базовую семантику 'изогнутый, выпуклый предмет', особо показателен, поскольку русск. диал. *чалпáн* 'небольшая круглая возвышенность, отдельно стоящая горка; островок, выступающий из воды', *челпáн* 'вершина холма, возвышенности' в рецензируемом словаре объяснены как заимствования из саамского, ср. нот. *t'sàl'c'pp^E* 'высокий конусообразный предмет (гора, возвышенность, камень)'. При этом констатируется недостаточная убедительность славянской этимологии (с **čьlрь* 'холм, верхушка'), и предпочтительность финно-угорской, т. к., во-первых, слова регистрируются в ареале, характерном для финно-угорских заимствований, а во-вторых, для русского нет надежных славянских параллелей, хотя автор отмечает, что славянскую этимологию нельзя сбрасывать со счета (с. 666–667).

Думается, что украинский пример, который нельзя отнести в разряд случайных формальных совпадений, как раз и является той самой недостающей параллелью, подтверждающей славянский генезис слова, тем более, что говорить о зоне финских заимствований в украинском ареале не приходится (ср. еще выше *челпáн*, *чолпáн*). Что же касается семантической стороны этимологии, то переход названия предмета домашней утвари, посуды в сферу народной географической терминологии общеизвестен.

Следующим примером, иллюстрирующим сложную структуру гнезда, образованного вокруг славянского продолжения и.-е. *(s)kel-, являются русск. *чалдóн* 'коренной сибиряк, русский', *челдóн* 'некультурный, неразвитый человек', 'глупый человек' (на с. 666 – «неясно»), которым в новгородских говорах соответствует *чалдóн* 'голова; ленивый человек; упрямый, непослушный человек' (НОС 12, 37). Эти примеры отражают d-детерминативацию указанного архетипа, а именно – псл. **čьl-d-* (с **čьld-onь*). Таким образом, мы имеем дело с переносом (метафоризацией) слова с исходным значением 'изогнутый, выпуклый предмет' в разряд лексики для обозначения психических, интеллектуальных черт человека.

Завершает список слов, сформировавшихся в приведенном этимологическом гнезде, псл. **čьlg-anь* (с **čьl-g-*), которое нашло

продолжение в русск. **челган** 'охотничья ловушка на волков, барсуков, енотов в виде искусственных ям'. А. Е. Аникин определяет его как неясное, правильно допуская его исконность, и говорит о возможности семантической эволюции в направлении 'холм' > 'бугорок с норами барсуков и енотов' > 'охотничья ловушка в виде искусственных ям' (с. 681), что вполне согласуется с особенностями значения рассмотренной семьи слов и её этимологической семантикой.

Обращение к системе еще одного обширного гнезда слов, объединенных вокруг корня на плавный сонант (а именно – вокруг **(s)ker-* 'гнуть, крутить; резать' в ступени редукции), распространенного разными типами детерминативов, приводит к выводам об исконно славянском характере целого списка лексем, причисляемых в словаре к заимствованиям или квалифицируемых как неясные.

Карга II 'отлогий берег, покрытый песком, галькой', 'береговой утес или коса, мыс с острыми камнями', 'мелкое место в воде', **корга** 'подводная коса с острыми камнями'. Определяется как идентичное **корга** I 'отлогий берег, покрытый песком или галькой', 'скалистый островок, риф или подводный камень' и т. д., возводимое к фин., ср. карел. *korgo* 'утес' при замечании «хотя *-a-* в первом слоге непонятно» (с. 277). Аналогичным путем устанавливаются генетические связи **корга** II 'омуль (более мелкая разновидность)' (на с. 314: «допустимо тождество с **корга** I (тогда рыба названа по месту её обитания (ловли))»).

Славянская атрибуция этих слов основывается на отнесении их к рефлексам псл. **kьrga* наравне с русск. диал. *кóрга*, *корга* 'кривой сук или палка, загнутая на конце', *корга* 'дерево с изогнутым корнем, идущее на остовы, шпангоуты и проч. речных судов', *карга* 'искривленное дерево', др.-луж. *korga* 'кривой брус', луж. *Korga* – топоним²³. Топографическое значение у русских репрезентантов развилось при перенесении их в сферу географической номенклатуры во время колонизации территории с новыми типами природных объектов, для номинации которых исходное 'нечто изогнутое, кривое' подходило лучше всего. Лужицкий топоним свидетельствует о былом наличии топографической семантики и у западнославянских рефлексов **kьrga*. К вопросу же о формировании в гнезде **(s)ker-* ихтионимов, ср. русск. диал. *кырмель* 'рыба («такая кругленькая рыба»)', блр. диал. *курмель* 'пескарь' < **kьrt-ель*, т. е. в основе мотивации признак 'выпуклый, круглый,

округлый' ²⁴. Эта же мотивирующая черта лежит в основе русск. **каргáл** 'рыба подкаменщик' (на с. 287: «неясно»), для которого находятся соответствия в ономастике польского языка (ср.: пол. *Kargal* – антропоним < **kъrg-alъ* ²⁵).

Кармакъ 'вид поселений в Сибири' сопоставлено с *карма́к* 'самоловный прибор с удой на белорыбицу', укр. *карма́к* 'рыболовное устройство', которые, в свою очередь, выведены из тюрк. *qarmaq* 'крючок, удочка' (с. 279–280). Действительно, совпадение восточнославянских лексем не случайно. Однако постулирование для них в качестве источника тюрк. *qarmaq* не может быть принято, т. к. последнее, по аргументированному мнению Р. М. Козловой, само заимствовано из славянских языков. Приведенный материал удовлетворительно этимологизируется на собственно славянской почве, восходя к псл. **kъrm-akъ*, т. к.:

а) функционирует в *системе* праславянского генетического гнезда, т. е. обусловлен системообразующими законами на всех уровнях – деривационном (для него имеется производящая основа), фонетическом, семантическом (ср. другие производные от основы **kъrm-*: **kъrm-aъ* (: русск. диал. *кормачок* 'крючковая снасть на поплавках'), **kъrm-olъ* (: слвн. диал. *krmol* 'холм, возвышенность, вершина') и др.), в то время как тюркское слово существует изолированно;

б) репрезентирует *ор-, ар- и ир-*реализацию исходного *ъr* (ср. выше русск. *кормачок*, укр. диал. карп. *кирмак* 'кривой кусок дерева'), тогда как тюркизм имеет только один из вариантов корневого вокализма – *a*, т. е. тот, с которым он был заимствован. Что касается именно *кармакъ* 'вид поселений в Сибири', то в данном случае речь идет о модификации значения 'тип поселения' < 'тип местности'. Т. е. *кармакъ* первоначально употреблялось как географический апеллатив типа русск. диал. *скармак* 'береговой утес, скалистый берег реки' (< **skърмакъ* – вариант с *s-mobile* к **kърмакъ*) и др. ²⁶

Для лексем типа русск. **ка́рша** 'ствол дерева (с сучьями), коряга', 'затонувшая коряга, бревно', **ка́рша́** 'пень, коряга' предлагается источник в марийском *karša* 'сгнившие ветви, прутья в воде; бурелом', а для русск. **ка́рча** 'упавшее старое дерево', 'остатки сосновых пней, корней', поскольку *a* ударное, не исключается молдавский или близкий источник (аналогичные слова с безудар-

ным *a* сводятся к псл. **kьrčь* / **kьrča* ‘коряга, корень, пень’; с. 280).

Ударный корневой *a*-вокализм этих слов не может свидетельствовать в пользу заимствования их из контактных неиндоевропейских языков, т. к. является одним из регулярных вариантов вокализации *ь* в группах *tьrt* / *tьlt* в восточнославянском ареале (независимо от ударения), о чем красноречиво говорит богатый диалектный и ономастический материал²⁷. В связи с этим марийск. *karša* само по себе может оказаться заимствованием из контактных русских говоров.

Тот же фонетический аргумент применим и к *ка́рча*, ср. орловский диалектизм *ка́рча* ‘завал в лесу’, *Карчи* – озеро в верховьях Дона, укр. *Карча* – гидроним (л. п. Леглича в бас. Днестра)²⁸, локализующиеся вне зоны контакта с мордовскими диалектами. Очевидно, что *ка́рча* и *ка́рша* – рефлексy **kьrča* и **kьrša* (ср. еще макед. *Kpш* – ороним; Пјанка 390 < **kьršь*), иллюстрирующие различные расширения упомянутого этимона в праславянскую эпоху.

Русск. **кержак** ‘старобрядец, раскольник’, ‘скупой человек, скряга’, ‘злой человек’, ‘старовер’ вместе некоторыми другими возводится к морд., ср. морд. (эрзя) *kertš*, *kerdži* ‘левый’, (мокша) *kérži* ‘т. с.’. Автор апеллирует к *кержак*, *кережак* ‘житель местности по р. *Керженец*, по берегам которой располагались раскольничьи скиты’ (с. 295).

Подобные примеры являются континуантами псл. **kьrž-akъ* (с ер-рефлексацией сочетания *ьr*) наравне с русск. диал. *коржак* ‘пресная лепешка; небольшого роста толстый ребенок с большим животом’, *кыржак* ‘старовер; скупец, скряга; угрюмый, нелюдимый’ (его *ы*-вокализм мордовские примеры не объясняют), блр. диал. *каржак* ‘коряга, кряжистое дерево’, укр. диал. *кіржак* ‘о человеке: шелудивый’, схв. *Кр̣жак* – антропоним. Относительно перехода ‘кривой, изогнутый предмет’ > ‘скупой, угрюмый, нелюдимый человек’ ср.: русск. диал. *ка́рга* ‘суковатый пень’, донск. *киргá* ‘обод силка для ловли куропаток’ и донск. *кырга* ‘скупой, жадный человек; угрюмый, нелюдимый человек’ < **kьr-ga*²⁹. Разумеется, название реки *Керженец* тоже объясняется в этом же словообразовательном гнезде с мотивацией по характеру изогнутости русла, изломанной береговой линии, поэтому нет оснований видеть в нем отражение неславянской основы.

Русск. **кóрбас** 'длинная жердь для развешивания вяленой рыбы' расценено как заимствование из п.-фин., ср. фин. *kärväs*, *kärpäs* 'суковатые жерди для развешивания сети' (с. 314). Сомнительно по фонетическим причинам, ср. несоответствие губных. Кроме того, существует масса древних славянских дериватов с суффиксом *-as*, восходящим к псл. **kьrb-asъ*, в число которых, очевидно, входит и *кóрбас*. Ср.: русск. диал. *ка́рбас* и *карба́с* 'большая высокобортная лодка и гребное судно с парусом для перевозки груза; плот' (первоначально, наверное, плот, связанный из толстых жердей), *карба́сына* 'жердь толщиной в руку', др.-пол. *korbas* 'тыква, дыня, посудина' и т. д. ³⁰.

Русск. **корня́жка** 'сушеная рыба' (на с. 315: «возможно, из сельк. Но источник неясен»). Когда речь заходит о неопределенном характере источника заимствования, очевидным становится исконно русское (в данном случае) происхождение слова. В частности, это производное от утраченного **корняга* < псл. **kьrn-ęga* 'нечто ссохшееся, сжавшееся, покоробившееся' (< **kьrn-*, где *n*-детерминатив). В отношении семантики ср. блр. диал. *сукрак* 'нечто застывшее, покоробленное' и 'скорченное, застывшее тело покойника' < **sq-kьrbъ* ³¹.

Русск. **кóрочь** 'рыболовный снаряд – мешок из сетки, привязанный к обручу' (с. 315: «не очень ясно»). Вполне возможно, что имеем дело с рефлексом псл. **korčь* – вариант с аблаутным вокализмом в полной ступени по отношению к **kьrčь*. Ср. еще блр. диал. *раскарач* 'сумка, в которой носили еду в поле' (Шаталава 152) < **orz-korčь* (первоначально, очевидно, 'мешок, сетка'). Сравнение с белорусской лексемой возможно, если она не отражает псл. **orz-kor-ačь*, что тоже возможно.

Русск. **корсак** 'вид небольшой лисицы; шкурка этого животного'. Объясняется из тюрк., ср. др.-тюрк. *qarsaq* 'степная лисица' (с. 315-316). Корневое *a* тюркского слова не истолковывает овокализм других вариантов анализируемого слова. Ср., в частности, русск. диал. псков. *корсак* 'вид небольшой лисицы', *корсака* 'порода лисиц', др.-пол. *Korsak* – антропоним. Кроме того, тюркская этимология не дает ответа на вопрос, каков источник структурно и семантически близких лексем типа русск. диал. *корсик* 'вид лисицы', вят. *карсу́к*, *кóрсук* 'вид небольшой степной лисы', которые этимологически невозможно отделить от *корсак*. А между тем, перед нами разные суффиксальные производные от основы

псл. **kъrs-*, т. е.: **kъrs-akъ* / **kъrs-ikъ* / **kъrs-ukъ*. Значит, *корсак* находит объяснение на славянской почве, где оно словообразовательно и фонетически обусловлено в отличие от явной деривационной изолированности в тюркской языковой среде, в которую оно было заимствовано. Семантика этих слов также находит поддержку в границах рассмотренного этимологического гнезда, ср. вариант с корневым вокализмом в полной ступени – русск. диал. *скорос* ‘гороплив, нетерпелив’³² (т. е. в отношении лисицы – ‘юркий, быстрый зверь’).

Русск. *курган* I ‘небольшой холм, возвышенность’ выводится из куман. *quryan* ‘могильный холм’, ‘курган’, которое через стадию тюрк. *qōrgān* ‘курган, укрепление’ восходит к монг. *хорго* ‘укрытие’. При этом этимология тюркского слова определяется как не очень ясная (с. 338).

Славянская этимология *курган* определяется теми же параметрами, что и в случае с предыдущим *корсак*, а именно:

а) корневым вокализмом родственных славянских лексем гораздо разнообразнее однородного *и* (*у*) тюркских лексем, ср.: русск. диал. *корган* ‘стоячий воротник одежды’, блр. диал. *кірган* ‘островок пастбища, сенокоса или леса посреди поля’, укр. диал. *корган* ‘нечто кривое’, *кирган* ‘большой курень’, чеш. *karhan* ‘кувшин’ и др.;

б) семантика приведенных выше слов, объединенная стержневыми компонентами ‘нечто выпуклое, изогнутое’, включает в себя понятие холма, кургана (↳ укрепления), поэтому речь может идти о перенесении подобных диалектизмов в сферу народной географической номенклатуры и вхождении варианта с корневым *у* в каркас литературного языка;

в) рассматриваемое *курган* имеет в славянских языках варианты типа русск. диал. смолен. *кургон* ‘холм, курган’, блр. *кургон* ‘т. с.’, чеш. *Krhonová* – антропоним (ср. еще блр. *скургоніца* ‘согнуться, скорчиться’); русск. диал. *кургун* ‘небольшой холм, курган’, чеш. *Krhoun* – антропоним и под., что в сумме позволяет говорить о рефлексах различных суффиксальных дериватов от базового псл. **kъrg-*, т. е. **kъrg-anъ* / **kъrg-onъ* / **kъrg-unъ*³³.

Принимая во внимание этот материал, а также неясность этимологии самого тюркского слова, логичнее говорить о заимствовании последнего из русских диалектов (имеется в виду вариант с корневым *у*) в специализированном топографическом значении.

Завершают обзор реестра славянских лексических единиц, сформированных в гнезде и.-е. **(s)ker-* и зачисленных в разряд заимствований, **кържа**, **куржá** 'иней, изморозь' (на с. 341 рассмотрена возможность отнесения к незафиксированному карел. **kuurža*) и **курсун** 'лепешка из творога или из сухих молотых ягод', **коршунь** 'сладкие лепешки из черёмухи' (их этимология опирается на бур. *хурһа(н)* 'самодельные пряники (изготовленные из квашеного молока и ягод черёмухи)' и незасвидетельствованное **хурсу(н)*; с. 345).

Русский генезис **кържá** убедительно обоснован В. П. Шульгачем, который обратил внимание на вторичный характер корневого *-ур-* (ср. русск. диал. *коржáк* 'иней', *коржáвый* 'шершавый, негладкий наощупь', ср. еще коми *куржóвина* 'изморозь', заимствованное, по мнению В. И. Лыткина и Е. С. Гуляева, из русского языка) и объяснил это слово как репрезентант псл. **kǝrža*³⁴.

В отношении **курсун** и **коршунь** в первую очередь обращает на себя внимание несоответствие исхода в бур. *-ха(н)* и русск. *-сун / -шун-*, разнотой корневого вокализма (*y:о*) при том, что в предполагаемом источнике заимствования представлено только *y*, не говоря уже о том, что само бур. **хурсу(н)* реально не подтверждено. Картину таких подозрительных несоответствий дополняет русск. диал. *корсун* 'лепешка из толченых ягод черёмухи; судно для очистки водоёмов', имеющее параллель в др.-пол. *Kursun* – антропоним, которые совершенно справедливо отнесены к продолжениям псл. **kǝrs-unǝ* (корневой *y*-вокализм в **курсун** стабилизировался под влиянием *y* в суффиксе)³⁵. То же объяснение приемлемо и в случае с **курсун**, **коршунь** (мотивация – 'нечто неровное, выпуклое; шероховатое'). Чередование консонантов *s:ш* здесь удовлетворительно объясняется известным в славянских диалектах, спорадически действующим переходом *s > ш* в начале и середине слова.

Русск. **кутерма́** 'драка, ссора', **кутерма́** 'вьюга, метель' уверенно относится автором к тюркизмам, хотя при этом признается неясным источник (тат.? *kütär-mä* 'волнение, суматоха'; с. 349). Сомнения в отношении источника вполне понятны: вокализм татарской лексемы не мог быть воспринят как *e* при заимствовании. Ко всему прочему, в орловских говорах фиксируется структурно близкое слово (ср. *расторма́ть* 'положить небрежно, не на свои места, привести в беспорядок; разбросать, раскидать');

СОГ 12, 122), позволяющее направить поиски генезиса *кутер(ь)ма́* в другую сторону. Если *расторма́ть* восходит к псл. **orz-tǫrmati*, где основа **tǫrm-* представляет вариантное к **terb- / *tǫrb-* (ср. **ku-tǫrba / *ko-tǫrba* > русск. диал. *кутерба* 'вьюга, метель; сильный ветер' > коми; Аникин 349) *m*-расширение и.е. **ter-* 'рвать, дергать, теревить' в ступени редукции, то аналогичным образом истолковывается и *кутер(ь)ма́* 'сильный порывистый ветер' < псл. **ku-tǫrma*. Начальное *ку-*, возможно, вторично из *ко-* в безударной позиции, поэтому вероятна и праформа **ko-tǫrma*.

Русск. **ма́тыр** 'лесной жук'. Расценивается как неясное с предположением источника в тюрк. *matyr* 'силач', т. е. 'силач, батыр' > '(громко жужжащий) жук' (с. 396). В качестве альтернативной этимологии можно предложить отражение в *ма́тыр* псл. **matyrb* – суффиксальное производное от основы, представленной в глаголе **matati(se)* (~ греч. *μῶσθαι* 'стремиться', т. е. 'оживленно двигаться' и т. д.; см.: ЭССЯ 17, 235–236; ср. с другим тематическим вокализмом русск. диал. *ма́йтьяся* 'в детской игре – быть в составе партии, которая водит'; СРНГ 18, 30). Мотивация в данном случае – 'неупорядоченно, хаотично движущийся предмет', 'мечущееся насекомое' (ср. **motyl'ь* 'бабочка, мотылек' < **motati(se)* 'мотаться'; ЭССЯ 20, 84–86). Относительно образований энтомологической номенклатуры при помощи форманта *-yrb* ср. псл. **mǫzgyrb* (: русск. *мизгирь* 'ядовитый паук'; реконструкцию см.: ЭССЯ 18, 226–227).

Русск. **мы́га** 'рыболовный снаряд, включающий вентерь и рыбаградительное сооружение' характеризуется как возможное заимствование из сельк. *mīka* [-g-] 'игла', т. е. 'снаряд вытянутой заостренной формы' (с. 415). Возможно и другое толкование, основывающееся на материале этимологического гнезда с базовыми **meu- / *mī- / *mū-* с пестрой палитрой значений, среди которых 'давить', 'рвать, дергать', 'вычесывать', 'гнуть' и т. д. В случае с *мы́га* целесообразно говорить о *g*-расширении варианта с продлением корневого вокализма, т. е. **mū-g-* (псл. **myg-³⁶*), ср. псл. **mygati* (: чеш. диал. *mygat* 'вертеть'; ЭССЯ 21, 21; дается в статье **mykati(se)*) / **myžiti* (: русск. диал. *мы́жить* 'вязать (снопы)'; ЭССЯ 21, 90). Мотивация названия отражает в таком случае не иглообразную форму рыбаговецкого снаряда, а то, что он собственно сплетен, «связан» из толстых нитей. Относительно структуры ср. параллельное образование с другим типом детерми-

натива и полной ступенью апофонии – слвн. *míza* ‘тонкая ветка (березы или вербы) гибкая и переплетенная’³⁷.

Русск. **пáрга** I ‘тонкое короткое волокно, вычесываемое из льна, пеньки; вычески’, ‘льняной пух, сор, осыпавшийся при тканье под ткацкий стан’, **пáрха** ‘пыль, образующаяся при обработке льна’. Предполагается происхождение из чувашского источника, связанного с чув. *parka* ‘хрупкий’ и мар. *para* ‘обдирки мочала’ (правда, предполагается, что последнее из русского). С **пáрга** I отождествляется и **пáрга** II ‘грибы опята’ (с. 461).

С нашей точки зрения, русские диалектизмы выступают рефлексамии псл. **pъrga / *pъrxa* (: укр. диал. полесск. *пурга́* ‘цветочная пыльца, переносимая пчелами на ногах’³⁸, пол. *parch, parchy* ‘шелуди, вид тяжелого кожного заболевания Favus’³⁹ (отслаивание частичек кожи) – укр. диал. *спáрхнуте* ‘стать легким, как пух’; Корзонюк 224; последнее, учитывая ареал, вероятно, из польского языка), которые восходят к и.-е. **per-* ‘разрывать; дергать; бить’ и др. (см.: Walde II, 674; среди вариантов без мобильного *s-* в гнезде **sper(e)-g-*) в ступени редукции, линейно расширенному *g-* и *x-* детерминативами. Связь слов с конечными *-g-* и *-x-* основы постулировалась еще А. Брюкнером (Brückner 411). Значения ‘льняной пух’, ‘сор, пыль’ представляют собой развитие первоначального ‘мелкие легкие частички’ (результат деформирующего действия или процесса).

Вариантными по качеству апофонии к ним выступают **pъrga / *pъrxa*, отраженные в укр. диал. полесск. *пéргá, перхá* ‘то же, что и *пурга́*’⁴⁰, пол. *piertzga* ‘пыль, смола’ (Brückner 411), *пергá* ‘перхоть’ (СРНГ 26, 18)⁴¹. Семантика ‘грибы’ тоже отображает первоначальное ‘нечто мелкое’. Очевидно, к этому же гнезду слов относится и русск. *пурхаться* ‘возиться, барахтаться’, *пурхать* ‘шевелить’, правильно истолкованное как исконное А. Е. Аникиным, отвергнувшим сомнительное сравнение русских диалектизмов с коми *purǵ’avni* ‘катать’ (с. 480), невозможное еще по фонетическим причинам. Еще раньше русск. *пурхаться, порхаться* ‘возиться, копаться’ были объяснены как продолжения псл. **pъrxati(se) - *pъrxъ*⁴².

Русск. **саба́н** ‘вид сохи’, ‘вид плуга, распространенный в Зауралье и Западной Сибири’, ‘русский плуг, двукольный’ идентифицировано как тюркское, ср. тат., кр.-тат., тур. *saban* ‘плуг’ (с. 489). Не может не бросаться в глаза такая деталь этимологии:

почему название *русского* плуга – реалии славянской, оседлой, давно практикующей земледелие, культуры с развитой терминологией должно заимствоваться у тюркских, кочевых народов, познакомившихся с земледелием относительно поздно и от тех же славян? Заимствование скорее происходило в прямо противоположном направлении, что подтверждается историей структуры самого русского слова, которое является лексикализованным фонетическим вариантом **согбан*, ср. русск. диал. *собанник* ‘плуг’ – производное от причастия **съгьбанъ* < **съгьбати* ‘сгибать, кривить’ 43.

Русск. **совалдыш** ‘ком, клуб, шишка’. Предполагается, что основа заимствована (с добавлением паразитического *-d-*) из якут. *syvāl* ~ *sybāl* ‘обрубок толстого дерева на корню’ (< русск. колым. *свал* ‘наплыв на древесном стволе’), ср. **чеволдаш** ‘нарост на дереве’ (с. 518, 677). Думается, что поиски этимологического решения должны вестись в другом направлении. Русский диалектизм – дериват от **совалда* < псл. **sz-vьlda* (~ ***szvьldati*), ср. русск. диал. *кувьлда* ‘неповоротливая баба’ (Сахаров 20), *кувьлда* ‘каша из ржаной муки или солода’, ‘неопрятная женщина; неряха; вялая нерасторопная женщина; рохля’ (ЯОС 5, 100), укр. *Ковальда* – антропоним с экспрессивным смягчением плавного (ТСК 107) < **ku-vьlda* / **ko-vьlda*, русск. *Чувилдин* – антропоним (Веселовский 356) < **Чевьлда* < **če-vьlda* (сюда же и *чеволдаш* < **чеволда*) и др. Весь перечисленный материал сформировался в гнезде псл. **vьld-*, выступающего *d*-расширением и.-е. **uel-* ‘крутить’ в ступени редукции 44. Отсюда и значения ‘нечто неровное’ (< ‘выпуклое (ком, шишка, комки в каше)’), ‘неповоротливый человек’ и более продвинутое ‘неряха’. Ср. еще: русск. диал. *вудьшка* ‘лодыжка, щиколотка ноги’ (СРНГ 5, 239) < **вудьга* < **vьld-yga* (если *v-* русск. *вудьшка* не результат замены первоначального анлаутного **б-*, т. е. не из **булдышка* ~ псл. **bьld-* ‘выпуклый предмет’), *волденица* ‘гриб’ (Мельниченко 44) < **волдень* < **vьld-ent*.

В отношении сохранности *o* < *ъ* перед слогом с гласным полного образования ср.: *сотрудник*, *сосед*, *соратник* и т. д.

Русск. **согра** ‘сырое болотистое место с кочками, поросшее мелким, густым лесом’, ‘низкое сырое место’, **согра** ‘заболоченная местность, поросшая деревьями, кустарником’ (на с. 518–519: «не очень ясно») имеет параллель в вологодских говорах – *согра* ‘болотистое мокрое место, на котором растет еловый и другой ка-

кой-нибудь лес' (Опыт 210). Лексемы восходят к псл. диал. **sog-ъra* < **soga* (: укр. диал. полесск. *soга* 'болотистая низина', 'лужа, яма с водой', 'озеро' и др. ⁴⁵).

Русск. **толопá** 'звериная тропа', **толоп**, **толопа** 'т. с.' (с. 574: «возможно, из селькуп., но источник не установлен»). Учитывая пол. диал. *łopić się* 'тесниться, жаться, толпиться, где многолюдно', т. е. 'топтаться на месте' (ср. еще десубстантив *łopaczyć* 'прессовать, тискать'; Karłowicz 5, 403), ц.-сл. **талаптити** 'успокаивать' (ПЦСС 722) < 'прессовать, стискивать, сжимать', ср. еще серб. *взмлатити* 'удержать, сдержать, обуздать; стянуть, усмирить' - семантически продвинутому лит. *talpà* 'емкость, вместилище' (первоначально, наверное, '*уtramбованное, утопанное место для хранения чего-нибудь') - *telpu, tilpti* 'вмещаться, входить' (Brückner 572) < 'уплотнять, сжимать', можно с уверенностью относить его к продолжениям псл. **tolpa* (учитывая лит. *telpu*, возможно производящее псл. ***telpti*) - **tolpiti(šę)*. А. Брюкнер, рассматривая пол. *łopić*, высказал предположение об изменении *thupić* (как *šlońce* и *šluńce*), но при этом отметил и возможность первоначального **tolp-* (Brückner 572). Церковнославянский и сербский глаголы с формулой *tlat*, а также лит. *talpà* свидетельствуют об изначальности **tolpiti(šę)* для пол. *łopić się*.

Указанные праформы представляют собой вариантное (-*p*-) расширение этимона **tol-* / **tel-* по отношению к **tolka* (< **telkt'i*) ~ **tolčiti(šę)* (: укр. диал. *толока́* 'поле, находящееся под паром и служащее выпасом для скота; выгон', *толочити* 'вытаптывать посева, траву'; Гринченко 4, 272-273), ср. еще с другим детерминативом - *(*za*)*tolbiti* (: русск. диал. *затолобить* 'затоптать'; СРНГ 11, 97, укр. диал. буков. *талабувати* 'толочити'; Прокопенко 463). Таким образом, автохтонность русск. *толопа́* 'звериная тропа' (т. е. буквально - 'протоптаный участок земли, вытопанное место') не вызывает сомнений, т. к. эта лексема функционирует как одно из ответвлений индоевропейского этимологического гнезда сложной структуры.

Русск. **тухта́** 'разиня', 'враньё' дается в одной дефиниции с аргогизмом *туфта́* 'выдумка, халтура' и связывается с с.-в.-русск. *тохта́* 'дерево с гнилой сердцевиной' (< фин. *toikka* 'всяческие вещи, разные товары, хлам, мусор, крошки'). Существенным при такой этимологии считается и фин. *toikko* 'глупец', эст. *tohk* 'дурачина' (с. 596). Нам представляется невозможным, что семантика

‘враньё’ у *тухтá* – результат его народноэтимологического отождествления с фонетически близким, но, очевидно, неродственным арготическим *туфтá*. Сопоставление же русского *тухтá* с финскими и эстонскими словами сомнительно по фонетическим причинам. Возможен исконный характер *тухтá*, ср. укр. диал. *тjохтя* ‘ничтожество’ (Чабаненко 4, 142), *тjохтjй* ‘увалень, тяжелый на подъем’ (Гринченко 4, 301), которые могут свидетельствовать о функционировании в древности узкого диалектизма русско-украинской языковой зоны.

Совершенно справедливо мнение А. Е. Аникина об исконном характере русск. **шáдры**, **шóдры**, **пчáдры**, **пчjдры**, **щjдры**, **щóдры** ‘жабры’ и необидительности истолкования их как субстратных (ср. мар. *шудыр*, *шылдыр* ‘крыло, плавник’; с. 713). В данном случае имеем дело с продолжениями псл. **še-dъry* / **šče-dъry* – формы мн. числа к **še-dъra* / **šče-dъra*, которые являются префиксальными дериватами **dъra* ~ **dъrati*, **derq* (или **derti*, **dъrq*) ‘рвать, драть’. Мотивация достаточно прозрачна – жаберные щели на рыбной коже абсолютно логично воспринимаются как рваные, драные неровные дыры.

Версии различных авторов относительно происхождения русск. **ягрá** ‘отмель’, ‘мелкое песчаное дно’, собранные в рецензируемом словаре, предполагают сравнение с саам. *jawre* ‘озеро’. Считалось, что **ягрá** сохранило **g* – **γ*, исчезнувшее в саамском и финском (с. 750). Даже при такой (очень сомнительной) этимологии невозможно объяснить русск. *г* из саам. *w* / *v* (ср. еще *järvi* ‘озеро’).

Эта лексема восходит к псл. **ę-gъra* (ср. **Egъra* > русск. *Ягра* – название рек в бывших Ярославской и Смоленской губерниях и др.) – образование, вариантное к **q-gъra* (ср. **Q-gъra* > русск. *Угра* – гидроним в бассейне Оки и т. п.), **sq-gъrъ* (: русск. диал. «на *сугре*» ‘на возвышении’), **šče-gъrъ* (: укр. диал. *щjгop* ‘сухое место на болоте’, ‘песчаная насыпь возле реки’) и многим другим, образованным в этимологическом гнезде с базовым и.е. **ger-* ‘гнуть, кривить’ в ступени редукции корневого вокализма о-ряда⁴⁶ (среди них могут оказаться и дериваты с суффиксом -*ъr*- от основы **ęg-* / **qg-* с однотипным значением).

Слова вроде русск. **ягарьма** ‘крикунья’, **игáрма** ‘дьяволица, чертовка’, **ягáрма** ‘наглая сварливая баба’, ‘чучело на огороде’, ‘злая баба’ объяснены как неясные (с. 749–750). Эти диалектизмы выступают рефлексами псл. **agъrma* – образование с префик-

сом *a-* от **gьrta* (как **agьlta* < **gьlta*) 'кривой, неровный, деформированный предмет' (одно из регулярных продолжений этой семантики – 'злой человек' > 'крикун'). Чередование анлаутных *я-* / *и-* – следствие редукции *я-* (< *a-*) в безударной позиции, ср. еще русск. диал. *ягърма* и *егърма* 'о неряшливо одетой женщине' и т. д.⁴⁷

Все рассмотренные выше версии возможного альтернативного (славянского) истолкования генезиса некоторых лексем имеют частный характер и никоей мерой не преуменьшают колоссальной ценности рецензируемого исследования, его концептуальной значимости. Их целью было привлечение внимания к неоднозначному характеру некоторых из представленных в нем материалов и деталям методики этимологических исследований.

¹ Журавлев А. Ф. [Рец. на.]: Аникин А. Е. Этимологический словарь русских диалектов Сибири. Заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков. Новосибирск, 1997. То же. 2-е изд., испр. и доп. М.; Новосибирск, 2000. // Русский язык в научном освещении. М., 2001. № 2. С. 250.

² Уже само варьирование исхода в ряду *бармáш*, *бормошú* (< **мърмаш*, **мърмош*), *мърмук* (с учетом вторичности фонетической стороны) при неизменности сегмента **мърм-* (< *морм-* / *барм-* / *борм-*) говорит о старых русских суффиксальных производных, восходящих к псл. **търт-аьъ* / **търт-оьъ*, **търт-укъ*.

³ Детальнее см.: Шульгач В. П. Из русской диалектной лексики. II (*абайда*, *арда*, *лябушка*, *шоболда*) // Филологические исследования. Донецк, 2000. Вып. II. С. 357–366.

⁴ См. об этом: Шульгач В. П. Українські етимології. 29–36 // Мовознавство. 1998. № 6. С. 40; Он же. Заметки по донской гидронимии: *Скулябный Овраг*, *Субургун*, *Карамыш Гольй*, *Карамыш Лесной* // Восточноукраинский лингвистический сборник. Донецк, 1999. Вып. 5. С. 47.

⁵ Sławski F. Zarys słowotwórstwa prastłowiańskiego // Słownik prastłowiański / Pod red. F. Sławskiego. Wrocław etc., 1974. T. I. S. 437–438.

⁶ Об этимологическом гнезде с базовыми **bьlda* / **bьldь* 'нечто выпуклое' и генезисе слов типа русск. *балда* см.: Козлова Р. М. Некоторые аспекты методики выявления балтизмов в славянских языках // Balto-słowiańskie związki językowe. Wrocław, 1990. С. 215–227.

⁷ О гадательности тюркской этимологии писал еще Г. А. Ильинский, поскольку наука почти не знает примеров заимствования тюркских слов в праславянскую эпоху (см.: Шульгач В. П. Праслав'янський гідро-

- німний фонд (фрагмент реконструкції). К., 1998. С. 32; со ссылкой на Г. А. Ильинского).
- 8 Относительно обоснования славянской природы **bьlbanь*, **bьldanь*, **bьlvanь* 'языческий идол, божок' («нечто выпуклое, толстое») на богатом славянском материале см.: Шульгач В. П. Праслов'янський гідронімний фонд (фрагмент реконструкції). С. 30–33 (с литературой).
- 9 Подробнее об этимологии славянских гидронимов с основой **Bьlg-* см.: Іліаді О. І. Слов'янський коментар до деяких псевдобалтійських гідронімів Верхньої Наддніпряниці // Іншомовні елементи в ономастиці України. К., 2001. С. 37–38; Казлова Р. М. Беларуская і славянская гідранімія. Праславянскі фонд. Гомель, 2000. Т. I. С. 48–57.
- 10 Реконструкцию **vaditi* (: болг. *vădya* 'вынимать, вычерпывать, отводить', слвн. *vāditi* 'вынимать') и родственных образований см.: Варбот Ж. Ж. Праславянская морфонология, словообразование и этимология. М., 1984. С. 53.
- 11 Подробнее см.: Іліаді О. І. Етимологічне гніздо з коренем **ver-* у праслов'янській мові. Київ; Кіровоград, 2001. С. 10–15 (с литературой).
- 12 См.: Куркина Л. В. Славянские этимологии (**skovorda*, **pačьkati*) // Этимология 1988–1990. М., 1992. С. 60. Не исключено, что славянскую (русскую) этимологию имеют и арханг. *vārda* 'место впадения одной реки в другую' и *vārda* 'дранка, прут, вица, используемые при плетении чего-либо (корзин, ловушек на рыбу и др.)', которые, по мнению некоторых исследователей, не следует разделять, и которые О. А. Теуш вслед за А. К. Матвеевым толкует как связанные с фин. *varras*, люд. *vardaz* и под. со значением 'жердь, жердочка, колышек, палочка, вертел' («фин., карел. *varsī*, люд. *varž* (и др.) 'стебель, рукоятка, черенок'); см.: Теуш О. А. Этимологизация финно-угорских заимствований в русском языке и семантический анализ // Вопросы языкознания. 2003. № 1. С. 103). Во всяком случае, такая генетическая интерпретация, исходя из сказанного выше, не менее аргументирована.
- 13 Подробнее об этимологии русск. *zъrvac*, а также новую версию о происхождении псл. **korva* см.: Козлова Р. М. Структура праславянского слова. Праславянское слово в генетическом гнезде. Гомель, 1997. С. 361, 353–355.
- 14 Шамота А. М. Назви рослин в українській мові. К., 1985. С. 103.
- 15 Детальнее см.: Козлова Р. М. *Большие Долды, Малые Долды* и родственные названия (этимологический комментарий) // Материалы для изучения сельских поселений России. Доклады и сообщения третьей научно-практической конференции «Центральночерноземная деревня: история и современность». Воронеж, декабрь 1994 г. Часть I: Язык. Культура. М., 1994. С. 132–135.
- 16 Подробнее см.: Шульгач В. П. За этимологіята на две български диалектни думи // Проглас. 1995. № 4. С. 76–77.

- 17 См. об этом: Журавлев А. Ф. Заметки на полях «Этимологического словаря славянских языков» // *Этимология*. 1988–1990. М., 1993. С. 77–78.
- 18 Подробнее об этой основе и основах, иллюстрирующих другие расширения и.е. **gel-* в праславянском языке, см.: Шульгач В. П. *Праслов'янський гідронімний фонд (фрагмент реконструкції)*. С. 329–331.
- 19 О праславянском этимологическом гнезде с опорными **kolg-* с большим количеством дериватов см.: Козлова Р. М. И.е. *(s)*kel-* 'гнуть, сгибать; крутить, вертеть' в славянской гидронимии. II // *Ономастика та етимологія*. 36. наукових праць на честь 65-річчя Ірини Михайлівни Железняк. К., 1997. С. 96–113.
- 20 См.: Козлова Р. М. Структура праславянського слова. С. 220.
- 21 См.: Козлова Р. М. Структура праславянського слова. С. 125; Шульгач В. П. *Кашуб. ċurbak* і споріднена слов'янська лексика // *Linguistica slavica*. Ювілейний збірник на пошану Ірини Михайлівни Железняк. К., 2002. С. 183–186.
- 22 Реконструкція архетипов дається по: Шульгач В. П. *Українські етимології*. 46–55 // *Мовознавство*. 2001. № 4. С. 30.
- 23 Подробнее см.: Козлова Р. М. Структура праславянського слова. С. 242–244.
- 24 Там же. С. 305.
- 25 Там же. С. 254.
- 26 Подробнее см. там же. С. 302–307.
- 27 Механізм різноманітної діалектної вокалізації ь в указаних структурах с оглядом історії питання докладно описан в роботах Р. М. Козлової. См., напр.: Козлова Р. М. Структура праславянського слова.
- 28 Козлова Р. М. Структура праславянського слова. С. 208.
- 29 Козлова Р. М. Структура праславянського слова. С. 253–254.
- 30 Там же. С. 121–122.
- 31 Пример взят из: Козлова Р. М. Структура праславянського слова. С. 48.
- 32 Подробнее см.: Там же. С. 180–190.
- 33 Подробнее см.: Там же. С. 255–259.
- 34 См.: Шульгач В. П. Из русской диалектной лексики III (*нукта, кварбётка, собанник, куржа*) // *Студії з ономастики та етимології*. К., 2002. С. 229–231 (с обзором версий).
- 35 Козлова Р. М. Структура праславянського слова. С. 191–192.
- 36 О гнезде и.е. **tei-* / **tī-* / **tī-* и типах его расширения см.: Куркина Л. В. *Славянские этимологии*. III // *Этимология*. 1972. М., 1974. С. 64–68.
- 37 Там же. С. 67.
- 38 Никончук М. В. *Подільські етимології (бджільництво)* // *Українське мовознавство*. К., 1977. Вип. V. С. 108.
- 39 Меркулова В. А. Народные названия болезней. II (на материале русского языка) // *Этимология*. 1970. М., 1972. С. 153 (тут же см. материал со специализированным значением болезни).

- ⁴⁰ Никончук М. В. Указ. соч.
- ⁴¹ О некоторых рефлексах **ryrga* см.: Карпенко О. П. Етимологічна інтерпретація гідронімів *Перга* та *Грезля* // Ономастика Полісся. К., 1999. С. 42–48.
- ⁴² См.: Меркулова В. А. Цит. работа. С. 154.
- ⁴³ Подробнее см.: Шульгач В. П. Из русской диалектной лексики. III. С. 229.
- ⁴⁴ Гнездо с основой **vьld-* подробно описано Р. М. Козловой, см.: Казлова Р. М. Беларуская і славянская гідронімія. С. 153–165.
- ⁴⁵ Реконструкцію **soga* см.: Казлова Р. М. Да этымалогіі гідроніма *Сож* // Першыя навуковыя чытанні, прысвеч. Сцяпану Некрашэвічу. Матэрыялы дакладаў і паведамленняў. Гомель, 1995. С. 23–25.
- ⁴⁶ Подробнее см.: Шульгач В. П. Праслав'янський гідронімний фонд. С. 202–203.
- ⁴⁷ Детальнее об **agьrta* и его рефлексах с перечислением всей литературы, посвященной *a*-префиксации (с большим списком дериватов) см.: Шульгач В. П. Проблеми праслав'янської іменної деривації (деякі похідні з префіксом **a-*) // Типологія мовних значень у діяхронічному та зіставному аспектах: Зб. наукових праць. Донецьк, 2002. С. 179–183.

СОКРАЩЕНИЯ

- Аникин — Аникин А. Е. Этимологический словарь русских диалектов Сибири. Заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков. Новосибирск, 1997.
- Богораз — Богораз В. Г. Областной словарь колымского русского наречия // Сб ОРЯС. 1901. Т. LXVIII. № 4. 346 с.
- Верхратський — Верхратський І. Про говір долівський: Словарчик // Записки наук. товариства імені Шевченка. Львів, 1900. Т. XXXV–XXXVI. С. 95–127.
- Веселовский — Веселовский С. Б. Ономастикон: Древнерусские имена, прозвища и фамилии. М., 1974.
- Видоески — Видоески Б. Географската терминологија во дијалектите на македонскиот јазик. Скопје, 1999.
- Грінченко — Словарь української мови / Упоряд. з дод. влас. матеріалу Б. Грінченко. К., 1907–1909. Т. 1–4.
- Клыков — Клыков А. А. Краткий словарь рыбацких слов. М., 1968.
- Корзонюк — Корзонюк М. М. Матеріали до словника західноволинських говірок // Українська діалектна лексика: Зб. наук. праць. К., 1987. С. 62–267.
- Мельниченко — Мельниченко Г. Г. Краткий Ярославский областной словарь. Ярославль, 1961.

- НОС - Новгородский областной словарь / Отв. ред. В. П. Строгова. Новгород, 1992–1995. Вып. 1–12; Великий Новгород, 2000. Вып. 13.
- Опыт - Опыт областного великорусского словаря, изд. Вторым отд. имп. Академии Наук. СПб., 1852.
- Отин - Отин Е. С. Каталог рек Северного Приазовья // Повідомлення Української ономастичної комісії. К., 1975. Вып. 11. С. 16–72.
- Пјанка - Пјанка В. Топомастиката на Охридско-Преспанскиот базен. Скопје, 1970.
- Прокопенко - Прокопенко В. А. Областной словарь буковинских говоров // Карпатская диалектология и ономастика. М., 1972. С. 411–477.
- ПЦСС - Полный церковнославянский словарь (со внесением в него важнейших древнерусских слов и выражений) / Сост. Г. Дьяченко. М., 1900.
- Сахаров - Сахаров А. И. Язык крестьян Ильинской волости Болховского уезда Орловской губернии // Сб. ОРЯС. 1900. Т. LXVIII. № 5.
- СОГ - Словарь орловских говоров: Учеб. пособие по рус. диалектологии / Науч. ред. Т. В. Бахвалова. Орел, 1989–2000. Вып. 1–11.
- Соловьѳв - Соловьѳв В. Т. Особенности говора донских казаков // Сб. ОРЯС. 1900. Т. LXVIII. № 2.
- СРНГ - Словарь русских народных говоров / Под ред. Ф. П. Филина и Ф. П. Сороколетова. Л. ; С.-Петербург, 1966–2000. Вып. 1–34.
- ТСК - Телефонный справочник города Кировограда. Кировоград, 1993.
- Чабаненко - Чабаненко В. А. Словник говірок Нижньої Наддніпрянщини. Запоріжжя, 1992. Т. I–IV.
- Шаталава - Шаталава Л. Ф. Беларускае дыялектнае слова. Мінск, 1975.
- ЭССЯ - Этимологический словарь славянских языков: Праслав. лекс. фонд / Под ред. О.Н. Трубачева. М., 1974–2002. Вып. 1–29.
- ЯОС - Ярославский областной словарь: Учеб. пособие / Науч. ред. Г. Г. Мельниченко. Ярославль, 1981–1991. [Вып. 1–10].
- Brückner - Brückner A. Słownik etymologiczny języka polskiego. Warszawa, 1974.
- Karłowicz - Karłowicz J. Słownik gwar polskich. Kraków, 1900–1911. Т. 1–6.
- Walde - Walde A. Vergleichendes Wörterbuch der indogermanischen Sprachen. Berlin und Leipzig, 1927–1930. Bd I–II.